

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта повесть была начата через несколько месяцев после выхода отдельным изданием «Записок Пиквикского клуба». Тогда было очень много дешевых йоркширских школ. Теперь их очень мало.

Частные школы долгое время являлись знаменательным примером того, сколь чудовищно пренебрегают в Англии воспитанием и как небрежно относится к воспитанию государство — к выращиванию добрых или плохих граждан, несчастных или счастливых людей. Любой человек, доказавший свою непригодность к какой-либо другой профессии, имел право без экзамена и без проверки знаний открыть школу в любом месте, тогда как к врачу предъявлялись требования пройти необходимую подготовку, чтобы оказывать помощь ребенку при появлении на свет или способствовать уходу его из этого мира; подобные требования предъявлялись к аптекарю, к адвокату, к мяснику, булочнику, свечному мастеру — к представителям всех профессий и ремесел, за исключением школьных учителей, а школьные учителя, как правило, были болванами и мошенниками, которые, натурально, должны были множиться и процветать при таких обстоятельствах, причем йоркширские учителя занимали самую низшую и самую гнилую перекладину лестницы. Люди, промышленявшие скупостью, равнодушием или тупостью родителей и беспомощностью детей, люди невежественные, корыстные, жестокие, которым вряд ли хоть один рассудительный человек поручил бы уход за лошадью или собакой, — эти люди послужили достойным краеугольным камнем сооружения, которое при всей существующей нелепице и великолепном высокомерном *laissez-allér*¹ вряд ли имело себе подобное в мире.

---

¹ Равнодушии (*фр.*).

Нам приходится слышать о судебных исках, предъявляемых к какому-нибудь несведущему врачу, который искалечил сломанную руку или ногу, когда пытался вылечить ее. Но что можно сказать о сотнях тысяч душ, навеки искалеченных бездарными пройдохами, которые притязали на их воспитание?

Я упоминаю о породе йоркширских учителей в прошедшем времени. Они еще не окончательно исчезли, но с каждым днем их становится все меньше и меньше. Небу известно, что нам предстоит немало поработать в области воспитания, но за последние годы были достигнуты большие успехи и предоставлены средства для усовершенствования в этой области.

Сейчас я не могу припомнить, каким образом дошли до меня слухи об йоркширских школах в ту пору, когда я был довольно болезненным ребенком, проводил время в уединенных уголках близ Рочестерского замка и голова у меня была забита Партриджем, Стрэпом, Томом Пайпсом и Санчо Пансой. Но я помню, что именно в то время составилось первое мое представление о них и что оно было как-то связано с гноящимся нарывом, с которым вернулся домой какой-то мальчик, потому что его йоркширский наставник, философ и друг вскрыл нарыв перочинным ножом, запачканным чернилами. Как бы ни создалось это представление, оно не покидало меня никогда. Я иногда интересовался йоркширскими школами, впоследствии много раз получал о них новые сведения и наконец, приобретя читателей, решил написать о них.

С этим намерением, прежде чем начать эту книгу, я поехал в Йоркшир, в очень суровую зимнюю пору, которая довольно точно здесь описана. Так как я хотел повидать двух-трех школьных учителей, а меня предупредили, что они, по скромности своей, могут испугаться визита автора «Записок Пиквикского клуба», я посоветовался с одним приятелем, у которого были знакомые в Йоркшире, и с его помощью пошел на обман с благою целью. Он дал мне несколько рекомендательных писем, но не на мое имя, а на имя одного из моих дорожных спутников. В них упоминалось о некоем несуществующем мальчике, оставшемся у матери-вдовы, которая не знает, что с ним делать. Бедная леди, воззвав к за-

поздалому состраданию родни, решила послать его в йоркширскую школу. Я — друг бедной леди, путешествую в этих краях, и если адресат может сообщить мне сведения о какой-либо школе в окрестностях, пишущий эти строки будет ему весьма признателен...

Я побывал в различных местах этой части страны, где по сведениям, мною полученным, было множество школ, но ни разу мне не представлялся случай передать письмо, пока я не приехал в один город, которого я не назову. Того, кому оно было адресовано, не оказалось дома, но вечером, в снегопад, он пришел в гостиницу, где я остановился. Мы пообедали, и долгих уговоров не потребовалось, чтобы он сел в теплый уголок у камина и отведал вина, стоявшего на столе.

Боюсь, что его уже нет в живых. Помню, это был веселый, румяный, широколицый человек; помню, что мы с ним быстро сошлись и беседовали о всевозможных предметах, но только не о школе — этой темы он старательно избегал. «Есть здесь поблизости большая школа?» — спросил я его, возвращаясь к письму. «Да, — сказал он, — школа есть довольно большая». — «И хорошая?» — осведомился я. «Ну, как сказать! — ответил он. — Не хуже всякой другой. Как на чей вкус». И стал смотреть на огонь, обводить глазами комнату и потихоньку насвистывать. Когда я вернулся к теме, которую мы обсуждали раньше, он сразу оживился, но, сколько я ни пытался, мне так и не удалось поговорить о школе: даже если он перед этим хохотал, я замечал, что лицо у него мгновенно вытягивалось и ему становилось не по себе. После того как мы очень мило провели часа два вместе, он вдруг схватился за шляпу, перегнулся через стол и, глядя мне прямо в лицо, тихо сказал: «Послушайте, мистер, мы с вами хорошо побеседовали, и теперь я вам скажу, что у меня на уме. Пусть эта вдова не отдает своего мальчика нашим школьным учителям, пока еще есть в Лондоне лошадь, за которой нужно присмотреть, и канава, где можно лечь и выспаться. Я не хочу злословить о моих соседях и говорю вам по секрету. Но будь я проклят, если мне удастся заснуть, не предупредив через вас эту вдову, чтобы она не отдавала мальчика таким негодьям, пока есть в Лондоне лошадь, за которой нужно присмотреть, и канава, где можно выспаться!» Повто-

рив эти слова с большой энергией и с такой торжественностью, что его веселая физиономия показалась вдвое шире, чем раньше, он пожал мне руку и удалился. Больше я его не видел, но иногда мне кажется, что в лице Джона Брауди я дал его туманный образ.

Что касается этих школьных учителей, я хотел бы привести несколько слов из первого предисловия к этой книге:

«Автора весьма позабавил и доставил ему удовлетворение тот факт, что не один йоркширский школьный учитель притязает быть прототипом мистера Сквирса, о чем уведомили автора его друзья в провинции и всевозможные нелепые заметки в провинциальных газетах. У автора есть основания полагать, что один достойный джентльмен советовался с людьми, сведущими в юриспруденции, имеется ли у него основание возбудить дело о клевете. Другой джентльмен подумывал предпринять поездку в Лондон с единственной целью поймать клеветника и нанести ему оскорбление действием. Третий прекрасно помнит, что в январе прошлого года к нему явились с визитом два джентльмена, из коих один завязал с ним разговор, в то время как другой писал его портрет; и хотя у мистера Сквирса только один глаз, а у него два и появившийся в печати набросок не имеет ни малейшего сходства с ним (кто бы он там ни был), тем не менее сей джентльмен и все его друзья и соседи сразу признали, что это он, — столь велико сходство между ним и персонажем этого романа.

Хотя автор отнюдь не может оставаться нечувствительным к великой хвале, таким путем до него дошедшей, однако он осмеливается намекнуть, что причина распрей такова: мистер Сквирс является представителем своего сословия, а не отдельным индивидом. Там, где плутни, невежество, животная алчность являются основным свойством маленькой группы людей и один из них изображен с этими характерными чертами, все его ближние признают, что кое-что свойственно им самим, и у каждого мелькнет опасение, не с него ли писан портрет.

Цель автора — привлечь внимание общества к системе воспитания — была бы отнюдь не достигнута, если бы он не заявил сейчас энергически, что мистер Сквирс и его школа

являются лишь слабым отражением существующего порядка, умышленно смягченного в книге и затушеванного, чтобы он не показался невероятным. Имеются отчеты о судебных процессах, в которых истцы требовали возмещения убытков как жалкого вознаграждения за длительные пытки и калечение детей, отданных в руки школьному учителю в здешних местах, — отчеты, содержащие подробное описание гнусного обращения, жестокостей и болезней, которое ни один романист не посмел бы измыслить. И с тех пор, как автор приступил к „Приключениям Николаса Никльби“, он получил от людей, стоящих вне подозрения и заслуживающих полного доверия, сведения о жестоком обращении с заброшенными или отвергнутыми детьми, в котором повинны были школы и которое превосходило все изложенное на этих страницах».

Вот все, что я хотел сказать по этому вопросу. Но в случае необходимости я решил перепечатать из старых газет кое-какие данные судебных протоколов.

Еще одна цитата из первого протокола сообщает о факте, который может заинтересовать моих читателей:

«Если обратиться к теме более приятной, то надлежит сказать, что два героя этой книги списаны с натуры. Не мешает отметить, что так называемое общество, весьма доверчиво относящееся ко всему, что претендует называться действительностью, чрезвычайно недоверчиво относится к тому, что именуется вымыслом; и хотя в повседневной жизни общество признает за одним человеком отсутствие всяких пороков, а за другими — отсутствие всяких добродетелей, оно редко допускает появление в романе человека с резко выраженными качествами, хорошими или плохими, остающегося притом правдоподобным. Но читатели, интересующиеся этой повестью, рады будут узнать, что братья Чирибл в самом деле живут на свете и их милосердие, их чистосердечие, их благородная натура и безграничное доброжелательство не являются плодом фантазии автора, но повседневно (и большей частью втайне) содействуют тому, чтобы люди совершали благородные и великодушные поступки в этом городе, гордостью и украшением которого служат братья».

Если бы я попытался подвести итог тысячам писем от всевозможных людей, живущих во всевозможных широ-

тах, — а письма посыпались на меня после этого злополучного сообщения, — я бы погряз в арифметических вычислениях, из которых нелегко было бы выбраться. Достаточно будет сказать, что ходатайства о займах, пособиях и теплых местечках, которые предлагалось мне передать прототипам братьев Чирибл (с ними я за всю свою жизнь не обменялся ни единым словом), истощили бы запас должностей, находящихся в распоряжении всех лорд-канцлеров со времени восшествия на престол Брауншвейгского дома, и разорили бы Английский банк.

Братьев нет теперь в живых.

Только по одному пункту хотелось бы мне кое-что добавить. Если Николас не всегда бывает безупречен или симпатичен, то он и не всегда должен казаться таковым. Это молодой человек, наделенный бурным темпераментом и весьма неопытный или даже вовсе не опытный, и я не вижу оснований, почему этого героя нужно возносить превыше человеческой природы.

ГЛАВА I

служит введением ко всем остальным

Жил некогда в уединенном уголке графства Девоншир некий мистер Годфри Никльби, достойный джентльмен, который довольно поздно задумал вступить в брак и, не будучи достаточно молод или богат, чтобы домогаться руки богатой леди, женился исключительно по любви на предмете давнишней своей привязанности, а эта особа вышла за него замуж по той же причине. Точно так же двое людей, которые не могут позволить себе играть в карты на деньги, садятся иной раз за мирную партию ради удовольствия.

Иные ворчуны, подтрунивающие над супружеской жизнью, быть может, заметят, что славную чету следовало бы сравнить с двумя боксерами, которые, когда дело идет плохо и никто их не подзадоривает, рыцарственно принимаются за работу ради одного удовольствия подраться, и в одном отношении это сравнение действительно применимо, ибо подобно тому, как отважная пара с Файвс-Корт со шляпой обходит зрителей и полагается на их щедрость в расчете получить средства, необходимые для хорошей пирушки, так точно по истечении медового месяца мистер Годфри Никльби и его партнерша озабоченно выглянули в мир, надеясь в значительной степени на счастливый случай для увеличения своих средств к существованию. Доходы мистера Никльби в пору его женитьбы колебались между шестьюдесятью и восьмьюдесятью фунтами *per annum*¹.

Небу известно, что на свете вполне достаточно людей, и даже в Лондоне (где проживал в те дни мистер Никльби) лишь немногие жалуются на малочисленность населения. Трудно поверить, как долго может человек высматривать

---

¹ В год (*лат.*).

и не находить в этой толпе лицо какого-нибудь друга, но тем не менее это правда. Мистер Никльби смотрел и высматривал, пока глаза у него не заболели, как и сердце, но ни один друг не явился; когда же, устав от поисков, обратил он взор на свой домашний очаг, очень мало нашел он там облегчения для утомленных глаз. Художник, слишком долго созерцавший яркую краску, дает отдых своим глазам, переводя их на более темные и тусклые тона; но все, что попадало в поле зрения мистера Никльби, отличалось столь черной и мрачной окраской, что в силу контраста ему доставило бы неопишемое успокоение видеть совсем иные цвета.

Наконец, через пять лет, когда миссис Никльби подарила своему супругу двух сыновей и этот обремененный заботами джентльмен, подавленный необходимостью как-либо обеспечить семью, всерьез обдумывал небольшую коммерческую спекуляцию, заключающуюся в том, чтобы застраховать в следующий квартальный день свою жизнь, а затем случайно свалиться с верхушки Монумента, получено было однажды утром по почте письмо с черной каймой, извещавшее о том, что его дядя, мистер Ральф Никльби, скончался и оставил ему все свое маленькое состояние — пять тысяч фунтов стерлингов.

Поскольку усопший не обращал при жизни ни малейшего внимания на племянника, а только прислал старшему его сыну (названному при крещении Ральфом, из соображений, вызванных отчаянием) серебряную ложку в сафьяновом футляре, которая — ибо ею мало было что есть — могла показаться как бы насмешкой над тем, что он родился без этой полезной серебряной вещицы во рту, мистер Годфри Никльби сначала едва мог поверить полученному известию. Однако при расследовании оно оказалось вполне точным. Симпатичный старый джентльмен намеревался, по-видимому, оставить все имущество Королевскому человеколюбивому обществу и даже составил завещание в таком духе, но за несколько месяцев до его смерти это учреждение имело несчастье спасти жизнь бедному родственнику Ральфа Никльби, которому он выдавал еженедельное пособие в три шиллинга шесть пенсов, и потому в припадке вполне естественного раздражения он отменил дар, сделав приписку к завещанию, и оставил все состояние мистеру Годфри

Никльби; особо он упомянул о своем негодовании не только против общества, спасшего жизнь его бедному родственнику, но и против своего бедного родственника, позволившего себе быть спасенным.

Часть этих денег мистер Годфри Никльби истратил на покупку маленькой фермы близ Даулиша в Девоншире, куда и удалился с женой и двумя детьми, чтобы жить на самые высокие проценты, какие мог получить с оставшегося капитала, и на скромные доходы, какие мог извлечь из своей земли. Он так преуспел вместе с женой, что, умирая — лет через пятнадцать после этих событий и лет через пять после смерти жены, — он оставил старшему сыну, Ральфу, три тысячи фунтов наличными, а младшему сыну, Николасу, одну тысячу и ферму, которая была самым маленьким поместьем, какое только можно себе представить.

Эти два брата воспитывались вместе в школе в Эксетере и, приезжая обычно раз в неделю домой, часто слышали из уст матери длинное повествование о страданиях их отца в дни бедности и о влиятельности их покойного родственника в дни его процветания. Рассказы эти произвели весьма несходное впечатление на двух братьев. В то время как младший, отличавшийся нравом робким и скромным, почерпнул из них один лишь совет сторониться большого света и не изменять мирным привычкам сельской жизни, Ральф, старший, извлек из часто повторяемой повести два великих нравовучения: что богатство является единственным истинным источником счастья и власти и что законно и справедливо домогаться обладания им всеми способами, за исключением преступных. «И если деньги моего дяди никакого добра не принесли при его жизни, — рассуждал сам с собой Ральф, — зато великое добро принесли они после его смерти, раз их получил теперь мой отец и копит их для меня, что является весьма похвальным. В сущности, они принесли добро также и старому джентльмену, ибо он имел удовольствие думать о них всю жизнь и вдобавок стать предметом зависти и почтения всей родни». И Ральф неизменно заканчивал эти мысленные монологи выводом, что нет ничего равного деньгам.

Не довольствуясь теорией и не давая своим способностям прозябать без дела даже в таком юном возрасте, от чисто

абстрактных размышлений этот многообещающий юнец перешел еще в школе к карьере ростовщика в ограниченном масштабе, пустив в оборот под хорошие проценты маленький капитал из грифелей и мраморных шариков и постепенно развертывая свои операции, пока они не распространились на медную монету сего государства, которую он отдавал в рост с немалой для себя выгодой. Своих должников он не утруждал абстрактными вычислениями и ссылками на расчетные таблицы: его правило простых процентов, заключавшееся целиком в одной золотой сентенции: «Два пенса за каждое полпенни», чрезвычайно упрощало расчеты, усваивалось и запоминалось легче, чем любое из арифметических правил, и потому может быть рекомендовано вниманию капиталистов, как крупных, так и мелких, в особенности же вниманию биржевых маклеров и дисконтеров. Впрочем, нужно воздать должное этим джентльменам: и по сей день многие из них частенько применяют его с поразительным успехом.

Подобным же образом избежал юный Ральф Никльби всех тех мелких и запутанных подсчетов добавочных дней, какие каждый, кто занимался начислением простых процентов, находил неизменно весьма затруднительными, — избежал, установив единое общее правило: вся сумма целиком — основной капитал и проценты — должна быть уплачена в день выдачи карманных денег — иными словами, в субботу; и будет ли заем сделан в понедельник или в пятницу, процентное начисление остается одним и тем же в обоих случаях. Обнаруживая великую рассудительность, он доказывал, что скорее следовало бы начислить больше за один, чем за пять, ибо в первом случае имеются веские основания заключить о крайне затруднительном положении должника, иначе он не стал бы занимать на столь невыгодных условиях. Этот факт примечателен потому, что он иллюстрирует тайную связь и симпатию, каковая всегда налицо между великими умами. Хотя мистер Ральф Никльби не ведал об этом в ту пору, но джентльмены вышеупомянутой категории руководствуются именно этим принципом при всех своих сделках.

Исходя из сказанного об этом юном джентльмене, а также из понятного восхищения, каким читатель незамедлительно к нему преисполнится, можно вывести заключение, что

ему предстоит стать героем повествования, к которому мы сейчас приступаем. Чтобы раз навсегда с этим покончить, мы спешим вывести читателей из заблуждения и перейти к началу повествования.

После смерти отца Ральф Никльби, которого незадолго до того устроили на службу в торговую фирму в Лондоне, со страстью предался прежней погоне за деньгами, быстро увлекшей и поглотившей его до такой степени, что он на много лет совсем забыл о брате; если по временам воспоминание о былом товарище детских игр и прорывалось сквозь туман, в котором он жил, — ибо золото создает вокруг человека дымку, разрушающую все прежние его привязанности и убаюкивающую его чувства сильнее, чем угар, — воспоминание это влекло за собой опасение, что, будь они близки, брат попытался бы занять у него денег. И мистер Ральф Никльби пожимал плечами и говорил, что пусть лучше будет так, как оно есть.

Что касается до Николааса, то он жил холостяком на доход с унаследованного поместья, пока ему не надоело жить одному, а тогда он женился на дочери соседа-джентльмена, получив приданое в тысячу фунтов. Эта добрая леди родила ему двух детей, сына и дочь, и когда сыну было лет девятнадцать, а дочери, если мы не ошибаемся, четырнадцать — до нового парламентского закона точные сведения о возрасте молодых леди не сохранялись ни в каких официальных списках сей страны, — мистер Никльби стал подумывать о способах пополнить свой капитал, жестоко пострадавший от увеличения семейства и расходов на воспитание.

— Спекулируй, — сказала миссис Никльби.

— Спекулировать, моя дорогая? — сказал мистер Никльби как бы в сомнении.

— А почему бы нет? — спросила миссис Никльби.

— Потому, дорогая моя, что, если мы потеряем капитал, — ответил мистер Никльби, который имел обыкновение говорить медленно и раздумчиво, — если мы его потеряем, нам не на что будет жить, дорогая моя.

— Вздор! — сказала миссис Никльби.

— Я в этом не совсем уверен, моя дорогая, — сказал мистер Никльби.

— У нас есть Николас, — продолжала леди. — Он уже взрослый — пора становиться ему на ноги, да и у Кэт, бедной девочки, нет ни единого пенни. Подумай о твоём брате! Разве был бы он тем, чем стал, если бы не спекулировал?

— Это верно, — отозвался мистер Никльби. — Прекрасно, дорогая моя. Прекрасно! Я буду спекулировать, дорогая моя!

Спекуляция — круговая игра: в самом начале игроки почти или вовсе не видят своих карт, выигрыши могут быть велики, и таковыми же могут быть проигрыши. Счастье отвернулось от мистера Никльби. Возобладала страсть, мыльный пузырь лопнул, на виллах во Флоренции поселились четыре биржевых маклера, разорились четыреста человек, ничем не примечательных, в том числе мистер Никльби.

— Даже дом, в котором я живу, могут отнять у меня завтра, — вздыхал бедный джентльмен. — Ничего не останется из моей старой мебели, все будет продано чужим людям!

Это последнее соображение так сильно его огорчило, что он немедленно слег, по-видимому решив во всяком случае сохранить кровать.

— Побольше бодрости, сэр! — сказал лекарь.

— Не следует отчаиваться и падать духом, сэр, — сказала сиделка.

— Такие вещи случаются ежедневно, — заметил адвокат.

— И очень грешно восставать против них, — прошептал священник.

— И ни один семьянин не должен этого делать, — присовокупили соседи.

Мистер Никльби покачал головой и, жестом удалив их из комнаты, обнял жену и детей, прижал их по очереди к своему слабо бившемуся сердцу и, обессиленный, опустился на подушку. Они с тревогой убедились, что вслед за этим сознание его помутилось, так как он долго бормотал что-то о великодушии и доброте своего брата и о добром старом времени, когда они вместе учились в школе. Наконец, перестав бредить, он торжественно поручил их тому, кто никогда не покидает вдов и сирот, и, ласково им улыбнувшись, отвернулся и сказал, что, кажется, не прочь заснуть.

ГЛАВА II

*О мистере Ральфе Никльби, о его конторе,
о его предприятиях и о великой акционерной компании,
имеющей огромное значение для всей нации*

Мистер Ральф Никльби не был, строго говоря, тем, кого мы называем купцом, не был он также ни банкиром, ни ходоном по делам, ни адвокатом, ни нотариусом. Он, разумеется, не был торговцем и с еще меньшим правом мог называть себя джентльменом, имеющим профессию, ибо немислимо было назвать какую бы то ни было получившую признание профессию, к которой бы он принадлежал. Но он жил на Гольдн-сквере, в просторном доме, имевшем, в добавление к медной табличке на парадной двери, другую медную табличку, в два с половиной раза меньше, на левом косяке, которая находилась над медным изображением младенческого кулака, сжимавшего обломок вертела, и где красовалось слово «контора», и из этого явствовало, что мистер Ральф Никльби ведет или притворяется, будто ведет какие-то дела. И этот факт — если он требовал дальнейших обстоятельных доказательств — сугубо подтверждался ежедневным присутствием между половиной десятого и пятью часами желтолицего человека в порыжевшем коричневом костюме, сидевшего на необычайно твердом табурете в комнате, похожей на буфетную, и в ответ на звонок появлявшегося с пером за ухом.

Хотя вокруг Гольдн-сквера и живет кое-кто из представителей уважаемых профессий, Гольдн-сквер в сущности не лежит на пути никому, никуда и ниоткуда. Это одна из существовавших некогда площадей, район города, отнюдь не преуспевший и начавший сдавать квартиры. Многие вторые и третьи этажи сдаются с мебелью одиноким джентльменам, и здесь принимают также на пансион. Это излюбленное пристанище иностранцев. Смуглые люди, которые носят большие кольца, тяжелые цепочки от часов и густые бакенбарды и собираются у колоннады Оперы и у билетной кассы от четырех до пяти пополудни, когда выдаются контрамарки, — все они живут на Гольдн-сквере или на ближайших улицах. Две-три скрипки и духовые инструменты из оперного оркестра обитают по соседству. Дома-пансионы музыкальны,

и звуки фортепиано и арф плывут в вечернюю пору над голой унылой статуи — гения-хранителя маленькой заросли кустов в центре площади. В летнюю ночь окна открыты настежь, и прохожий может наблюдать группы смуглолицых усатых мужчин, развалившихся на подоконниках и с ожесточением курящих. Хриплые голоса, предающиеся вокальным упражнениям, вторгаются в вечернюю тишину, а дым отменного табака насыщает воздух ароматом. Здесь нюхательный табак и сигары, немецкие трубки и флейты, скрипки и виолончели делят между собою власть. Это страна песни и табачного дыма. Уличные оркестры усердствуют на Гольднсквере, и у бродячих певцов голос вибрирует помимо их воли, когда они поют на этой площади.

Казалось бы, это место мало приспособлено для деловых операций; однако мистер Ральф Никльби жил здесь много лет и никогда не жаловался. Никого из соседей он не знал, и его никто не знал, хотя он и слыл чудовищно богатым. Торговцы утверждали, что он нечто вроде юриста, а другие соседи высказывали мнение, будто он какой-то агент; обе эти догадки столь же правильны и точны, сколь обычно бывают или должны быть догадки о делах наших ближних.

Однажды утром мистер Ральф Никльби сидел в своем кабинете уже одетый, чтобы выйти из дому. На нем был бутылочного цвета спенсер поверх синего фрака, белый жилет, сероватые панталоны и натянутые на них веллингтоновские сапоги. Уголок жабо с мелкими складками, словно настойчиво желая показать себя, пробивался между подбородком и верхней пуговицей спенсера, а это последнее одеяние было настолько коротко, что не скрывало длинной золотой цепочки от часов, которая состояла из ряда колец и брала начало у золотых часов с репетицией в кармане мистера Никльби и заканчивалась двумя маленькими ключами: один был от самих часов, а другой — от какого-то патентованного всячего замка. Мистер Никльби посыпал голову пудрой, как бы желая придать себе благодушный вид; но, если такова была его цель, пожалуй, следовало бы ему попудрить также и физиономию, ибо даже в морщинах его и в холодных беспокойных глазах было что-то, помимо его воли говорившее о лукавстве. Как бы там ни было, здесь сидел мистер Никльби, а так как он находился в полном одиночестве, то ни пуд-

ра, ни морщины, ни глаза ни на кого не производили в тот момент ни малейшего впечатления — ни хорошего, ни дурного, и, следовательно, сейчас нам нет до них дела.

Мистер Никльби закрыл счетную книгу, лежавшую у него на конторке, и, откинувшись на спинку стула, посмотрел с рассеянным видом в грязное окно. Позади некоторых лондонских домов встречается меланхолический маленький участок земли, обычно обнесенный четырьмя высокими выбеленными стенами, на который хмуро взирает ряд дымовых труб; здесь из года в год чахнет искривленное деревце, которое притворяется, будто хочет произвести на свет несколько листиков поздней осенью, когда другие деревья теряют свою листву, и, ослабев от усилий, прозябает, все потрескавшееся и прокопченное, вплоть до будущей осени, когда повторяет то же самое и, если погода особенно благоприятствует, соблазняет даже какого-нибудь ревматического воробья почирикать в его ветвях. Иногда эти темные дворы называют «садами». Не следует предполагать, что когда-то их посадили: вернее, это участки невозделанной земли с чахлой растительностью, уцелевшей от бывшего здесь раньше поля при кирпичном заводе. Никому не приходит в голову заглянуть в это заброшенное место или извлечь из него какую-нибудь пользу. Несколько корзин, с полдюжины разбитых бутылок и тому подобный хлам выбрасывают сюда, когда въезжает новый жилец, но и только; и здесь этот хлам остается, пока жилец не выезжает; сырая солома гниет ровно столько времени, сколько считает нужным, рядом с убогим буксом, малорослыми, вечно бурыми растениями и разбитыми цветочными горшками, которые уныло валяются вокруг, покрываясь сажей и грязью.

Вот такое-то местечко и созерцал мистер Ральф Никльби, когда, заложив руки в карманы, сидел и смотрел в окно. Он устремил взгляд на искаленную елку, посаженную каким-то бывшим жильцом в кадку, которая когда-то была зеленой, и уже давно обреченную на постепенное гниение. Не было ничего особенно привлекательного в этом предмете, но мистер Никльби был погружен в глубокую задумчивость и смотрел на него гораздо внимательнее, чем удостоил бы взирать на редчайшее экзотическое растение, если бы пребывал в менее сосредоточенном расположении духа. На-

конец он перевел глаза на маленькое грязное окошко слева, в котором смутно виднелось лицо клерка. Так как этот достойный муж случайно поднял голову, он жестом приказал клерку явиться.

Повинуясь призыву, клерк слез с высокого табурета (которому он придал замечательный блеск, без конца влезая на него и снова слезая) и предстал перед мистером Никльби. Это был высокий пожилой человек с выпученными глазами, из коих один был неподвижен, с красным носом и с землистого цвета лицом, одетый в пару (если разрешается употреблять это выражение, хотя костюм был ему совсем не под пару), сильно поношенную, слишком короткую и узкую и столь скудно снабженную пуговицами, что чудом казалось, как он ухитряется удерживать ее на себе.

— Сейчас половина первого, Ногс? — спросил мистер Никльби резким, скрипучим голосом.

— Всего только двадцать пять минут по... — Ногс хотел сказать «по трактирным часам», но, опомнившись, закончил: — ...по верному времени.

— У меня часы остановились, — сказал мистер Никльби, — не знаю почему.

— Не заведены, — сказал Ногс.

— Нет, заведены, — возразил мистер Никльби.

— Значит, перекручена пружина, — сказал Ногс.

— Вряд ли это может быть, — заметил мистер Никльби.

— Вряд ли, — сказал Ногс.

— Ладно, — сказал мистер Никльби, пряча в карман часы с репетицией.

Ногс как-то по-особому хрюкнул, что имел обыкновение делать по окончании всех споров со своим хозяином, тем самым давая понять, что он, Ногс, восторжествовал, и (так как он редко с кем говорил, если с ним кто-нибудь не заговаривал), погрузившись в мрачное молчание, начал медленно потирать руки, треща суставами и на все лады выкручивая пальцы. Это привычное занятие, которому он предавался при каждом удобном случае, и застывшее напряженное выражение, какое он сообщал здоровому глазу, чтобы установить единообразие между обоими глазами и лишить кого бы то ни было возможности определить, куда или на что он смотрит, — таковы были две из многочисленных странно-

стей Ногса, с первого взгляда поражавшие неискушенного наблюдателя.

— Я иду сегодня в «Лондонскую таверну», — сказал мистер Никльби.

— Собрание? — осведомился Ногс.

Мистер Никльби кивнул головой:

— Я жду письма от поверенного относительно закладной Редля. Если оно придет, его доставят сюда с двухчасовой почтой. К этому времени я уйду из Сити и пойду по левой стороне улицы к Чаринг-Кроссу. Если будут какие-нибудь письма, захватите их с собой и идите мне навстречу.

Ногс кивнул, и в этот момент в конторе зазвонил колокольчик. Хозяин оторвал взгляд от бумаг, а клерк не двинулся с места.

— Колокольчик, — сказал Ногс в виде пояснения. — Дóма?

— Да.

— Для всех?

— Да.

— Для сборщика налогов?

— Нет! Пусть зайдет еще раз.

Ногс издал привычное хрюканье, как бы говоря: «Я так и знал!» — и, когда снова зазвонил колокольчик, пошел к двери и, вскоре вернувшись, ввел бледного, чрезвычайно торопившегося джентльмена, по имени мистер Бонни. Волосы у него на голове были взъерошены и стояли дыбом, а очень узкий белый галстук был небрежно повязан вокруг шеи. Вид у него был такой, будто его разбудили среди ночи и с тех пор он не успел привести себя в порядок.

— Дорогой Никльби, — сказал джентльмен, снимая белую шляпу, столь плотно набитую бумагами, что она едва держалась у него на голове, — нельзя терять ни секунды! Кеб у двери. Сэр Мэтью Попкер председательствует, и три члена парламента придут безусловно. Я видел, что двое из них благополучно поднялись с постели. Третий, который провел всю ночь у Крокфорда, только что отправился домой надеть чистую рубашку и выпить бутылки две содовой воды и несомненно присоединится к нам вовремя, чтобы обратиться с речью к собранию. У него, правда, не совсем улеглось возбуждение прошлой ночи, но не беда: благодаря этому он всегда говорит еще выразительнее.

— Дело как будто налаживается неплохо, — сказал мистер Ральф Никльби, чьи спокойные манеры являли резкий контраст живости другого дельца.

— Неплохо! — повторил мистер Бонни. — Это превосходнейшая из всех идей, когда-либо возникавших! «Объединенная столичная компания по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке. Капитал пять миллионов в пятистах тысячах акций, по десять фунтов каждая». И десяти дней не пройдет, как акции поднимутся выше номинальной стоимости благодаря одному только названию.

— А когда они поднимутся выше номинальной стоимости? — с улыбкой сказал мистер Ральф Никльби.

— Когда они поднимутся, вы не хуже всякого другого знаете, что с ними делать и как выйти потихоньку из игры в надлежащий момент, — сказал мистер Бонни, фамильярно похлопывая капиталиста по плечу. — Между прочим, какой удивительный человек этот ваш клерк!

— О да, бедняга! — отозвался Ральф, натягивая перчатки. — А ведь было время, когда Ньюмен Ногс держал своих лошадей и охотничьих собак.

— Вот как! — небрежно бросил мистер Бонни.

— Да, — продолжал Ральф, — и даже не так много лет назад. Но он промотал свои деньги, вложил их куда-то, занимал под проценты и, короче говоря, сначала был круглым дураком, а потом стал нищим. Он запил, был у него легкий удар, и затем он явился сюда занять один фунт, так как в более счастливые для него дни я...

— Вы вели с ним дела, — с многозначительной миной сказал мистер Бонни.

— Совершенно верно, — подтвердил Ральф. — Я, знаете ли, не мог дать займы.

— О, разумеется!

— Но мне как раз нужен был клерк открывать дверь, а также и для других услуг, вот я и взял его из милости, и с тех пор он у меня. Мне кажется, он немножко не в себе, — продолжал мистер Никльби, принимая сострадательный вид, — но кое-какую пользу он, бедняга, приносит, кое-какую пользу приносит.

Мягкосердечный джентльмен не счел нужным добавить, что Ньюмен Ногс, находясь в крайней нищете, служит ему

за плату более низкую, чем обычное жалование тринадцатилетнего мальчика, а также не отметил в этом сжатом отчете, что благодаря своей странной молчаливости Ногс был исключительно ценной особой в таком месте, где много вершилось дел, о которых желательно было не заикаться за пределами конторы. Впрочем, другому джентльмену явно не терпелось уйти, и так как немедленно вслед за этим они поспешили сесть в наемный кабриолет, то, быть может, мистер Никльби забыл упомянуть о столь маловажных обстоятельствах.

Великая суета была на Бишопсгет-стрит, когда они туда прибыли, и (погода стояла ветреная) человек шесть, переходя улицу, лавировали под тяжестью плакатов, возвещавших гигантскими буквами о том, что ровно в час дня состоится собрание для обсуждения вопроса об уместности обращения в парламент с петицией в интересах «Объединенной столичной компании по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке». Капитал — пять миллионов в пятистах тысячах акций, по десяти фунтов каждая, каковые суммы должным образом были изображены жирными черными цифрами внушительных размеров. Мистер Бонни проворно проложил себе путь наверх, принимая на ходу низкие поклоны многочисленных лакеев, которые стояли на площадках лестницы, чтобы показывать дорогу, и в сопровождении мистера Никльби вторгся в анфиладу комнат за большим залом; во второй комнате находился стол, деловой на вид, и люди, деловые на вид.

— Внимание! — крикнул джентльмен с двойным подбородком, когда появился мистер Бонни. — На председательское место, джентльмены, на председательское место!

Вновь прибывшие были встречены всеобщим одобрением, и мистер Бонни суетливо занял место во главе стола, снял шляпу, пробежал пальцами по волосам и постучал по столу молоточком, как стучат извозчики, после чего несколько джентльменов крикнули «внимание!» и закивали друг другу, как бы желая отметить воодушевление, с каким он действует. В этот самый момент лакей, охваченный лихорадочным возбуждением, ворвался в комнату и, с треском распахнув дверь настежь, крикнул:

— Сэр Мэтью Попкер!

Комитет встал и от радости захлопал в ладоши, а пока он хлопал, вошел Мэтью Попкер в сопровождении двух живых членов парламента — одного ирландского и одного шотландского; они улыбались, раскланивались и имели такой приятный вид, что было бы поистине чудом, если бы кто-нибудь осмелился голосовать против них. В особенности у сэра Мэтью Попкера, с маленькой круглой головой и светло-желтым париком на макушке, начался такой пароксизм поклонов, что парик у него ежесекундно грозила опасность слететь. Когда эти симптомы до известной степени перестали быть угрожающими, джентльмены, которые могли заговорить с сэром Мэтью Попкером или с двумя другими членами парламента, образовали вокруг них три маленькие группы; а возле них джентльмены, которые не могли вести разговор с сэром Мэтью Попкером или двумя другими членами парламента, топтались, и улыбались, и потирали руки, тщетно надеясь, не подвернется ли что-нибудь такое, что привлечет к ним внимание. Все это время сэр Мэтью Попкер и два других члена парламента рассказывали каждый своему кружку, каковы намерения правительства касательно проведения билля, давали полный отчет о том, что сказало шепотом правительство, когда они в последний раз с ним обедали, и как при этом оно подмигнуло, из каковых предпосылок они без труда вывели заключение, что если правительство и принимает что-нибудь близко к сердцу, то именно благополучие и успех «Объединенной столичной компании по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке».

Пока шли приготовления к собранию и устанавливалась очередность выступлений ораторов, публика в большом зале созерцала то пустующую эстраду, то леди на галерее для оркестра. Этим занятием большинство присутствующих развлекалось уже часа два, а так как самые приятные увеселения приедаются при чрезмерном злоупотреблении ими, то наиболее суровые натуры стали топтать ногами и выражать свое неудовольствие всевозможными возгласами и гиканьем. Этим вокальным упражнениям, виновниками коих были люди, пришедшие раньше, естественно предавались те, кто сидел ближе всех к эстраде и дальше всех от дежурных полисменов, которые не имели особого желания пробивать себе дорогу сквозь толпу, но, тем не менее руководствуясь похвальным

намерением прекратить беспорядок, немедленно принялись тащить за фалды и за шиворот всех смиренных людей, находившихся неподалеку от двери; при этом они ловко наносили гулкие удары дубинками на манер остроумного актера, мистера Панча, блестящему примеру которого эта ветвь исполнителей власти нередко подражает и при выборе оружия и при пользовании им.

Стычки были очень оживленные, как вдруг громкий крик привлек внимание даже воюющих сторон, а затем из боковой двери вышла на эстраду длинная вереница джентльменов с непокрытыми головами; все они оглядывались и испускали многоголосые приветственные вопли, причина коих объяснилась в достаточной мере, когда среди оглушительных возгласов выступили вперед сэр Мэтью Попкер и два других подлинных члена парламента и при помощи пантомимы уведомили друг друга, что никогда на протяжении всей своей общественной карьеры они не видывали такого славного зрелища.

Наконец-то собрание перестало вопить, но, когда сэр Мэтью Попкер был избран председателем, оно вновь разразилось криками, не смолкавшими пять минут. Когда и с этим было покончено, сэр Мэтью Попкер начал говорить, каковы его чувства по случаю этого великого события, и каково это событие в глазах всего мира, и каков ум его сограждан, находящихся перед ним, и каковы богатство и респектабельность его почтенных друзей, стоявших позади него, и, наконец, каково значение для обогащения, счастья, благополучия, свободы, даже для самого существования свободного и великого народа — каково значение такого учреждения, как «Объединенная столичная компания по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке».

Затем выступил мистер Бонни, чтобы предложить первую резолюцию. Пригладив правой рукой волосы и непридуманно подбоченившись левой, он поручил свою шляпу заботам джентльмена с двойным подбородком (который при всех ораторах играл роль как бы секунданта на ринге) и заявил, что зачитает первую резолюцию:

— «Настоящее собрание взирает со страхом и трепетом на существующее положение торговли булочками в столице и в окрестностях; оно полагает, что объединение мальчишек — продавцов булочек в таком виде, в каком оно ныне